

М.С. Хаютина

Университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен

Моему научному руководителю
С.И. Кучере с благодарностью за
наставление на путь

**Прием беглецов в условиях
мультигосударственной системы
древнего Китая:
предварительные наблюдения***

Бегство, ссылка, предоставление или непредоставление убежища, экстрадиция беженцев, а также политический, правовой и этический аспекты этих явлений в мультигосударственной системе древнего Китая до сих пор остаются темами, слабо разработанными в мировой синологии.¹ В настоящей статье я хочу привлечь внимание к данной проблематике и наметить одно из возможных направлений исследований: изучение взаимосвязи геополитических отношений между княжествами с обращением с беглецами. Во-первых, я рассматриваю соглашение между 13 княжествами о взаимном непредоставлении убежища беглецам, заключенное в 561 г. до н.э. Во-вторых, высказываю предположение о существовании подобных неписаных договоренностей и ранее, в VII в. до н.э. В качестве примера я рассматриваю историю о скитаниях цзиньского княжича Чунэра – наиболее известный и популярный древнекитайский сюжет о бегстве и возвращении. Учитывая недокументальный характер притчи о Чунэре, я тем не менее полагаю, что она может отражать некоторые реальные установления эпохи Чуньцю, в частности практику непредоставления убежища беглецам во владениях, чьи правящие дома были связаны узами родства.

* Это исследование было выполнено при поддержке фонда Герды Хенкель в 2003–2006 гг.

1. Боское соглашение и институт ссылки в эпоху Чуньцю

Осенью 561 г. до н.э. правители княжеств Цзинь 晉, Сун 宋, Вэй 衛, Цао 曹, Ци 齊, Цзюй 莒, Чжу 邾, Тэн 滕, Се 薛, Ци 杞, Малого Чжу 小邾 и Лу 魯 и Чжэн 鄭 собрались на съезд в Бо 亳 (совр. пров. Хэнань)² и заключили следующее клятвенное соглашение:

凡我同盟。毋蘊年。毋壅利。毋保姦。毋留慝。救災患。恤禍亂。同好惡。獎王室。或聞茲命。司慎司盟。名山名川。賤神賤祀。先王先公。七姓十二國之祖。明神殛之。俾失其民。隊命亡氏。躒其國家。

«Все участники нашего совместного соглашения обязуются не поддерживать урожай, не препятствовать выгоде, **не предоставлять защиту нечестивцам, не принимать на своей территории беглых злодеев**, предоставлять взаимовыручку в случае бедствий и катастроф, содействовать друг другу в случае смуты и беспорядков. Мы разделяем **общие представления о добре и зле** и благословляем царский дом. Если кто-либо нарушит эту волю, пусть те, кто следит за соблюдением искренности и соглашений, – духи знаменитых гор и знаменитых рек, прежние *ваны* и прежние *гунь*, предки семи родов и двенадцати царств, – пусть сиятельные духи уничтожат его, пусть он утратит свой народ, пусть его мандат на правление рухнет, его род погибнет и его страна падет!» [9, с. 989]³.

К моменту заключения этого соглашения целый ряд лиц, замешанных в разных интригах в собственных княжествах, находились в эмиграции у соседей. Большинство побегов было связано с дворцовыми заговорами и восстаниями. Беглецы могли быть в них как зачинщиками, так и жертвами. В любом случае, с точки зрения оставшихся, беглецы представлялись «злодеями» и «нечестивцами». Эти определения в тексте договора позволяли очень широкое толкование – ведь речь не обязательно шла о преступниках (*ю цзуй* 有罪, *цзэй* 賊, *дао* 盜), чья вина была очевидной, но также о лицах, только потенциально представлявших угрозу⁴. Беглецы эпохи Чуньцю, как правило, являлись магнатами, обладателями аристократического ранга *тайфу* и высоких государственных постов. В бегах часто находились и ближайшие родственники правителей. Более того, среди беглецов оказывались и законные правители княжеств, и даже чжоуские *ваны*. В изгнании высокопоставленных беглецов нередко сопровождали их приближенные из средних и нижних слоев аристократии, о численности которых можно только догадываться. Хроника *Цзо чжуань*, охватывающая события с 722 по 486 г. до н.э., с неизменным постоянством регистрирует случаи бегств на протяжении всего этого времени, называя около 300 беглецов по именам и показывая при этом, по-видимому, только верхушку айсберга. Случаи отказа в убежище и тем более экстрадиции беглецов были крайне редки⁵.

Мультигосударственная система, в которой не могло быть создано единое правовое пространство, создавала благоприятные условия для

того, чтобы лица, справедливо или несправедливо обвиняемые в совершении преступлений в своих княжествах, могли избежать наказания и проживать свой век в ссылке. Правящие дома древнекитайских княжеств были связаны друг с другом узами родства или свойства и регулярно обменивались визитами и посольствами. Поэтому перемещение людей между царствами в связи с официальными задачами было санкционировано и являлось нормой межгосударственной коммуникации. С другой стороны, в случае опалы представители элит могли рассчитывать на родственные связи и искать убежища на чужбине. Иногда они отправлялись в княжества, находившиеся в состоянии войны с их родиной. Однако власти стран исхода, как правило, толерантно относились к тому, что беглецов принимали их союзники, поскольку ссылка представлялась предпочтительной альтернативой смертной казни – меры, принимавшейся в отношении высшей аристократии достаточно редко. Позволяя своим *persona non grata* удаляться в ссылку, правители древнекитайских княжеств вполне довольствовались тем, чтобы «держат злодеев на расстоянии», аналогично тому, как было рекомендовано в приказе чжоуского Сян-вана 襄王 (годы правл. 651–619 до н.э.) цзиньскому Вэнь-гуну 文公 (годы правл. 636–629 до н.э.)

敬服王命。以綏四國。糾逖王慝

«Почтительно исполняй приказы вана! Опираясь на них, умиротворяй четыре стороны света, исправляй и удаляй на расстояние злодеев, совершающих преступления против вана!» [9, с. 465].

Этот документ был вручен Вэнь-гуну во время торжественного пира в 632 г. до н.э., на котором Сян-ван официально признал его старшим среди *чжухоу*, т.е. гегемоном (также называемым *ба* 霸) [9, с. 463; 1, с. 371]. Этой чести Вэнь-гун удостоился за две заслуги: победу над царством Чу в битве при Чэньпу 成濮 в 632 г. до н.э. и за то, что двумя годами ранее он возвратил на престол самого Сян-вана, ранее бежавшего в княжество Чжэн от смуты, учиненной его братом Цзы Даем 子帶, временно узурпировавшим трон.

Не только Сян-ван, но и сам Вэнь-гун незадолго до этого находился на положении лица, «удаленного на расстояние» (逖)⁶. Не исключено, что собственный опыт бегства и изгнания удержал обоих суверенов от призывов «покарать» или «истребить» злодеев, к которым они могли причислить широкий круг лиц. Требуя их «удаления», приказ Сян-вана, таким образом, признавал легитимность института ссылки как меры предотвращения или наказания преступлений. Так же и боское соглашение не ставило под вопрос существование института ссылки как такового. Договаривающиеся страны взаимно условливались не оставлять беглецов на длительный срок (*лю* 留) и не выступать защитниками их интересов (*бао* 保) против других участников договора. При этом не предусматривалось, что страны–участники договора должны были бы препятствовать прохождению беглецов через их территории на пути в более отдаленные места, которыми, очевидно, оставались не принимавшие в

договоре участие княжества Чу и Цинь, а также пограничные районы, в которых проживали не китайские народы.

Как показывает обращение к *Цзо чжуань*, боский договор отчасти остался соглашением о намерениях, поскольку ряд княжеств-участников договора продолжали взаимно принимать беглецов. В особенности продолжало оставаться популярным бегство в княжества Цзинь, Ци, Сун и Лу. Однако не исключено, что вследствие договора беглецы все чаще стали направляться в южные страны, в Чу, У и даже Юэ.

В то же время представляется, что между центральнокитайскими княжествами, чьи правители являлись членами рода Ци, взаимные договоренности о непринятии беглецов существовали и ранее. Подтверждением этому может служить история цзиньского Вэнь-гуна, как уже упоминалось выше, длительное время находившегося в изгнании. Известный до своего восхождения на престол под именем княжича Чунэра, Вэнь-гун был наиболее знаменитым беглецом эпохи Чуньцю. Сюжет о его «одиссее», изложенный с вариациями в хронике *Цзо чжуань* и в сборнике исторических анекдотов *Го юй*, был позже интегрирован Сыма Цянем в *Ши цзи*. По существу, этот сюжет является притчей, берущей за основу реальные события VII в. до н.э. для изложения современных взглядов. Так, она предлагает иллюстрацию представлений о судьбе и воле Неба, обыгрывает взаимосвязь между суверенитетом и гостеприимством и заостряет внимание на этических аспектах обращения с «перемещенными лицами», находясь при этом в русле дискурса эпохи Чжаньго⁷. Тем не менее, хотя сюжет о Чунэре не может рассматриваться как документальное повествование, в нем присутствовали проекции некоторых установлений эпохи Чуньцю, включая практику непредоставления убежища беглецам из родственных владений.

Ниже я напомним кратко основное содержание сюжета о Чунэре, продемонстрирую взаимоотношения между его действующими лицами и выскажу предположения о значении маршрута путешествия Чунэра.

2. История и география странствований Чунэра

Упоминания о судьбе Вэнь-гуна до его восхождения на престол отсутствуют в погодовой летописи *Чуньцю*, отражающей наиболее значимые события этой эпохи⁸. Также и «Бамбуковые анналы», включающие в себя выдержки из хроники княжества Цзинь⁹, сообщают лишь о пребывании Чунэра в княжестве Цинь. Поскольку можно было бы ожидать, что именно «Бамбуковые анналы» должны были бы освещать историю цзиньского Вэнь-гуна наиболее подробно, отсутствие в них данных о его пребывании в ряде других княжеств вызывает сомнение в документальности сюжета о скитаниях, представленного в *Цзо чжуань* и *Го юй*.

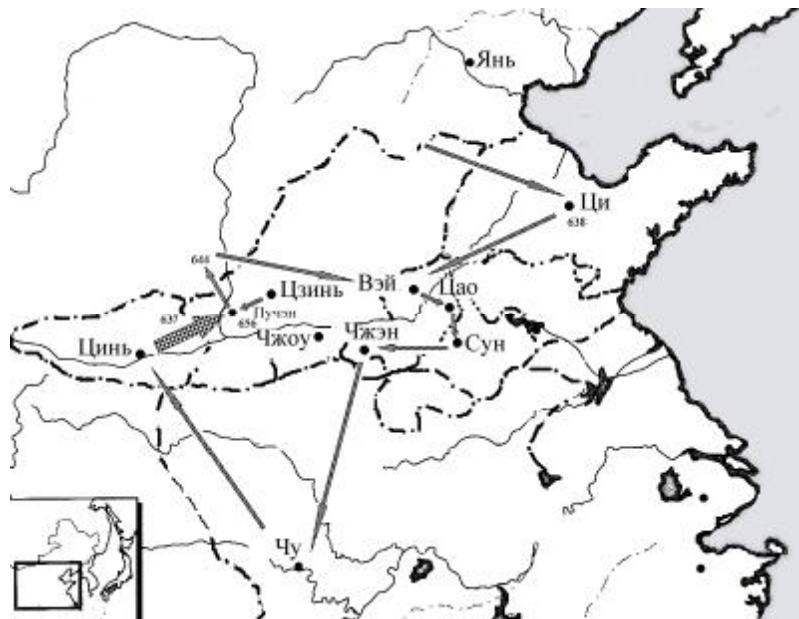
В *Цзо чжуань* история скитаний Чунэра разбита на части, включенные в годовые записи в соответствующем хронологическом порядке под 4, 5, 10, 23 и 28-м годами правления луского Си-гуна 僖公 (659–627 гг. до н.э.). В *Го юй* она изложена компактно и составляет значительную часть *Цзинь юй 晉語* («Речей Цзинь»), самого обширного

раздела *Го юй*¹⁰. Тексты *Цзо чжуань* и *Го юй*, оба составленные в эпоху Чжаньго, существуют как бы параллельно, в некоторых частях совпадая полностью, в других дополняя, а в третьих – противореча друг другу (см. [12, с. 20–58; 28]). Наличие разногласий между двумя версиями не удивительно, так как к моменту создания обоих произведений сюжет о Чунэре, по-видимому, существовал уже многие столетия в устной передаче. За это время он оброс новыми деталями, некоторые из которых не успели попасть ни в *Цзо чжуань*, ни в *Го юй*, но оказались известными в передаче других текстов¹¹. Очевидно, что в обоих текстах помимо исторических реалий нашла отражение и устная традиция, а ряд пассажей являлся продуктом творчества их составителей¹². Эти позднейшие напластования особенно заметны в *Го юй*, содержащей ряд речей, приписанных участникам описываемых событий, и отсутствующих в *Цзо чжуань*.

«Одиссея» цзиньского Вэнь-гуна занимает видное место также и в *Ши цзи* («Исторических записках») Сыма Цяня 司馬遷 (ок. 145–90 г. до н.э.). Сообщения о его пребывании в разных древнекитайских княжествах проходят красной нитью через главы раздела *Ши цзя* 世家 («Наследственные дома»). Данные Сыма Цяня происходили и из *Цзо чжуань*, и из *Го юй*, хотя некоторые детали упоминались в его историческом труде впервые. Однако настоящая статья не ставит задачей изучение позднейших метаморфоз сюжета о Чунэре и ограничивается рассмотрением версий *Цзо чжуань* и *Го юй*.

Чунэр был сыном цзиньского князя Сянь-гуна 獻公 (годы правл. 676–651 до н.э.). Брак Сянь-гуна с его главной супругой был бездетным, но наложницы принесли ему нескольких сыновей. Шэньшэн 申生, сын Сянь-гуна и дочери циского Хуань-гуна 桓公, был назначен наследником престола. Мать Чунэра и его единоутробного младшего брата Иу 夷吾, Ху Цзи 狐姬, была дочерью вождя одного из некитайских народов. В 671 г. до н.э. Сянь-гун провел войну против другого некитайского народа, лиских жунов 驪戎, в ходе которой он убил его вождя. Его дочь Ли Цзи 驪姬 он взял в качестве новой наложницы [1, с. 253]. Ли Цзи родила сына Сици 奚齊, которого она стремилась возвести на престол. В результате многолетних усилий ей удалось скомпрометировать законного наследника Шэньшэна, обвинив его в попытке отравить Сянь-гуна. Шэньшэн окончил жизнь самоубийством, и Сици был назначен наследником престола. Другие возможные претенденты на престол – Чунэр и Иу – были заблаговременно удалены из столицы в пограничные города¹³. Тем не менее Ли Цзи считала эту меру предосторожности недостаточной и стремилась к физическому устранению конкурентов. Она подослала наемного убийцу к Чунэру, но тому чудом удалось избежать гибели. В 656 г. до н.э. Чунэр бежал на север к некитайскому племени ди 狄¹⁴ (см. карту). Диский вождь дал Чунэру в жены свою дочь¹⁵, и Чунэр осел в землях дисцев на 12 лет.

Тем временем в 651 г. до н.э. умер цзиньский Сянь-гун. Сици, возведенный стараниями его матери на престол, удержать его не сумел и через короткое время был убит. В 650 г. до н.э. к власти пришел младший брат Чунэра – Иу, цзиньский Хуй-гун 惠公. Опасаясь, что старший брат может предъявить претензии на престол, в 644 г. до н.э. Хуй-гун подослал к Чунэру наемных убийц. Хотя Чунэру снова удалось избежать смерти, он более не мог рассчитывать на безопасность среди дисцев и вынужден был тронуться в дальнейший путь.

Маршрут скитаний Чунэра

С севера, из земель дисцев Чунэр отправился на восток, в княжество Ци, где в это время еще правил Хуань-гун (годы правл. 685–644 до н.э.) – первый гегемон периода Чуньцю [9, с. 406; 1, с. 163]. Годом позже Хуань-гун скончался¹⁶, на чем гегемония царства Ци закончилась. Тем не менее Чунэр оставался в Ци еще пять лет¹⁷, обретая там спокойствие и потеряв интерес к борьбе за власть на родине [9, с. 406; 1, с. 340]. Лишь в 638 г. до н.э.¹⁸ советникам Чунэра удалось заставить его продолжить путь¹⁹.

В течение одного года Чунэр объехал одно за другим владения Вэй, Цао, Сун, Чжэн, Чу и Цинь. В центральнокитайских владениях Чунэр встретил в основном негостеприимное отношение. Вэнь-гун 文公, правитель Вэй, принял Чунэра «без соблюдения ритуала», сославшись на потери, понесенные в результате войны с дисцами и владением Син 邢 [9, с. 406; 1, с. 345]. Гун-гун 共公, правитель Цао, принял Чунэра в своем

дворце, но оскорбил его своим непочтительным отношением²⁰ [9, с. 407; 1, с. 346]. Правитель Чжэн, Вэнь-гун, также не оказал Чунэру приема согласно ритуалу [1, с. 349].

В отличие от них, правитель Сун – Сян-гун 襄公 – принял Чунэра и щедро одарил его [9, с. 408; 1, с. 348]. Из центральных владений Чунэр отправился на юг – в царство Чу. Чэн-ван 成王, его правитель, принял «беглеца... невзирая на неравное положение», как правителя владения [1, с. 352]. Затем он проводил его с почестями и богатыми подарками далее на запад – во владение Цинь. Циньский Му-гун 穆公 также принял Чунэра в соответствии с ритуалом, принятым в отношении правителя владения, [9, с. 410; 1, с. 359]. Кроме того, Му-гун предоставил Чунэру военную и политическую поддержку для возвращения в Цзинь [9, с. 413; 1, с. 365].

В 636 г. до н.э. Чунэр взшел на цзиньский престол. Став правителем, он провел ряд реформ в своем владении и установил «справедливое управление».

В 635 г. до н.э. чжоуский Сян-ван, бежавший из столицы в княжество Чжэн, спасаясь от смуты, обратился к Вэнь-гуну за помощью. На втором году своего правления Вэнь-гун вернул *вану* престол. В 632 г. до н.э. он освободил царство Сун от оккупировавших его армий царства Чу и разбил чускую армию в битве при Чэнпу. Он также воспользовался ситуацией, чтобы отплатить правителям Цао и Вэй, являвшимся сторонниками Чу, за их негостеприимство. На обратном пути он напал на другое негостеприимное владение – Чжэн [9; 1, с. 377]. В том же году, как уже упоминалось, Сян-ван назначил его гегемоном. Таким образом, Чунэр сменил на этой позиции циского Хуань-гуна, первым из прочих *чжухоу* оказавших Чунэру достойный прием.

3. Родство и гостеприимство в сюжете о Чунэре

На схеме (см. ниже) представлены отношения между Чунэром и другими действующими лицами этой истории. Обращает на себя внимание тот факт, что все трое негостеприимных правителей, отвергших его, принадлежали к боковым ветвям клана Цзи, т.е. были его дальними кровными родственниками²¹. Напротив, среди правителей, принимавших Чунэра и предоставлявших ему помощь, не было кровных родственников, но только родственники по браку²². Кроме того, негостеприимные и гостеприимные *чжухоу* различались между собой как правители центральных и собственно «китайских» княжеств с одной стороны, и периферийных и «полуварварских» – с другой (Ци, не будучи «варварским», занимало особую позицию как страна царствования гегемона).

Негостеприимство в отношении Чунэра как родственника было предметом особой критики в *Го юй*. Так, в речи цаоского советника Си Фуцзи 僖負羈 говорится:

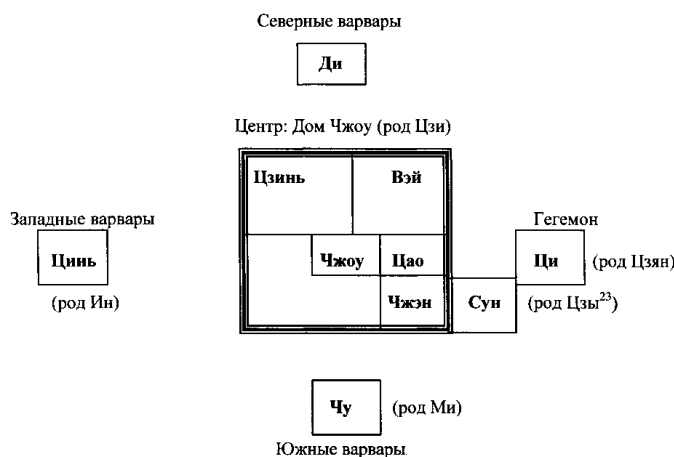
臣聞之：愛親明賢，政之幹也。<...> 國君無親，以國為親。先君叔振，出自文王，晉祖唐叔，出自武王，文、武之功，實建諸姬。故二王之嗣，世不廢親。今君棄之，不愛親也。

«Ваш слуга слышал следующее: „Любить родственников и отличать мудрецов – это основа управления. <...> У правителя государства нет родственников. Его родственниками являются другие правители государств. Наш прежний правитель Шу-чжэн происходит от Вэнь-вана, а Тан-шу, предок правителей владения Цзинь, происходит от У-вана. Заслуга Вэнь-вана и У-вана состояла поистине в том, что они установили власть рода Ци. Поэтому потомки Вэнь-вана и У-вана из поколения в поколение не бросали своих родственников. Ныне вы, правитель, отвергаете Чунэра, а это показывает, что вы не любите родственников“».

На то же советник Нин Чжуан-цзы 甯莊子 указывал вэйскому Вэнь-гуну:

康叔，文之昭也。唐叔，武之穆也。周之大功在武，天祚將在武族。

«Кан-шу (первый правитель Вэй. – М.Х.) относился к поколению чжао, приходясь братом чжоускому Вэнь-вану. Тан-шу (первый правитель Цзинь. – М.Х.) относился к поколению му, приходясь братом чжоускому У-вану. При У-ване Чжоу обрело большой успех. Благословение Неба и в будущем будет пребывать с потомками У-вана» [1, с. 345].

Взаимоотношения между участниками истории о Чунэре

Шу-чжань, советник чжэнского Вэнь-гуна, отмечал:

在周頌曰：天作高山，大王荒之。荒，大之也。大天所作，可謂親有天矣。晉、鄭兄弟也，吾先君武公與晉文侯戮力一心，股肱周室，夾輔平王六，平王勞而德之，而賜之盟質，曰：世相起也。

«В „Гимнах дома Чжоу“ говорится: „Небо создало Высокую Горю (Цишань. – М.Х.), Великий ван (Гу-гун Даньфу. – М.Х.) возделал ее“. „Возделал“ значит „возвеличил“. О том, что создано великим Небом, можно сказать: „Родственники обладают повелением Неба“. Цзинь и Чжэн – это старший и младший братья. Наш прежний правитель У-гун

и цзиньский Вэнь-гун, объединив усилия и помыслы, стали костяком для чжоуского дома и с обеих сторон поддержали Пин-вана (во время переезда на восток в 770 г. до н.э. – М.Х.). Пин-ван считал их трудолюбивыми и обладающими добродетелью, за что он пожаловал им клятвенный договор, в котором говорилось: „Из поколения в поколение поддерживайте друг друга“» [1, с. 349].

Следует обратить внимание на то, что фактор родства, настолько важный в представлении авторов *Го юй*, не имеет никакого значения в отображении историй скитаний Чунэра в *Цзо чжуань*. Хотя в *Цзо чжуань* приводятся несколько речей, обосновывающих необходимость принять Чунэра и предвещавших его грядущее возвышение в качестве нового гегемона, их тексты не совпадают с текстами речей из *Го юй*. С точки зрения *Цзо чжуань*, Чунэра следовало принять потому, что ему способствовало Небо, которое решило возвести его на престол в Цзинь, а также потому, что сам факт того, что он продолжает существовать, несмотря на ряд неблагоприятных условий, нельзя объяснить иначе как небесным жребием. Представляется, что составителям *Цзо чжуань* было известно, что, в соответствии с установлениями эпохи Чуньцю, родственные княжества не принимали друг у друга беглецов. Хотя из этого правила имелись и исключения, в большинстве случаев беглецы отправлялись к правителям с другими фамилиями (см. [30]). Более того, весьма вероятно, что это правило было известно и составителям *Го юй*. Однако, поскольку составители *Го юй* относились к нему критически, оно оказалось «вывернутым наизнанку».

Так, речь Си Фуцзи в *Го юй* начинается с такой посылки: «У правителя государства нет родственников; его родственниками являются другие правители государств» (國君無親，以國為親). В речи же советника Чунэра Цзю Фаня констатировалось: «Беглец не имеет родственников» (亡人無親) [1, с. 310].

Хотя в нормальной ситуации *чжухоу* принимали у себя членов правящих домов других княжеств и обеспечивали им содействие, бегство приводило к выпадению члена правящего дома из нормативной системы отношений. Таким образом, правители владений освобождались от обязательств перед родственниками, находившимися в бегах, поскольку их обязательства по отношению к родственникам–правителям других царств имели большее значение. Соответственно правители Цао, Чжэн и Вэй, представленные в *Го юй* и позже в *Ши цзи* как негуманные похитатели родственных чувств, в действительности действовали из солидарности с цзиньским Хуй-гуном, законно правившим в то время. Если Чунэр действительно посещал эти царства и был отвергнут, его пример может служить свидетельством того, что соглашения о непредоставлении убежища существовали в древнем Китае по крайней мере на 80 лет ранее подписания боского соглашения.

4. Заключительные наблюдения

Если неписанные договоренности о непредоставлении убежища беглецам в родственных царствах существовали уже в VII в. до н.э., история скитаний Чунэра также, возможно, указывает на то, что они касались только родственников по крови, но не по браку. С другой стороны, хотя правящие дома Цзинь, Ци и Цинь состояли в родстве по браку, оно не было близким во время правления Хуй-гуна. В частности, хотя Хуй-гун сам вступил в брак с циньской принцессой во время своего бегства в Цинь, он отказался от нее после возвращения в Цзинь. В итоге бывшая жена Хуй-гуна досталась Чунэру. Не исключено, что если бы брак Хуй-гуна продолжался, княжество Цинь могло бы отказать Чунэру в убежище.

Если в VII в. до н.э. отношение к иностранным беглецам определялось степенью родства между правителями княжеств, то заключение боского соглашения в 561 г. до н.э. представляло собой шаг вперед в сторону создания общего правового пространства на договорных отношениях. Отныне не только родственные княжества, но все участники международного соглашения соглашались не принимать изгоев на своей территории.

Как боский договор, так и изданный ранее приказ Сян-вана цзиньскому Вэнь-гуну отражали ситуацию в мультигосударственной системе древнего Китая, в которой признавалось существование «чужого» пространства, в которое нежелательные лица могли бы быть «удалены». Оба эти постановления не ставили под вопрос целесообразность самого института ссылки, по-видимому, признавая его как альтернативу более суровых мер пресечения преступлений.

Примечания

¹ В своей пионерской работе о социальной мобильности в периоды Чуньцю и Чжаньго Сю Чжоунь рассмотрел возможности интеграции иностранцев в государственных структурах древнекитайских княжеств и царств (см. [27]). Однако многие другие аспекты миграции, интеграции или сегрегации пока что не рассматривались.

² Съезду предшествовало совместное нападение армий 12 княжеств на Чжэн в ответ на агрессию последнего против Сун. Ранее, в 566 г. до н.э., законный правитель Чжэн – Си-гун 僖公 (570–566 гг. до н.э.) был убит заговорщиками под предводительством его дяди Цзы Сы. Последний возвел на престол сына убитого, Цзянь-гуна 簡公 (565–530 гг. до н.э.). Несколько других чжэнских княжичей, пытавшихся оказать сопротивление, были убиты, а Сунь Цзи 孫擊 и Сунь Э 孫惡, внуки предыдущего чжэнского правителя Чэн-гуна 成公 (584–571 гг. до н.э.), бежали в княжество Вэй, спасая свою жизнь. Однако в Чжэн оставались и другие недовольные переворотом. В 562 г. до н.э. Ду Жифу 堵如父, Сы Чэнь 司臣, Вэй Пянь 尉翩 и Сы Ци 司齊 убили Цзы Сы 子駟 и двух других чжэнских княжичей, также занимавших высшие государственные посты, и пленили Цзянь-гуна. Однако повстанцам не удалось предпринять что-либо еще, поскольку сыновья

Цзы Сы и других убитых княжичей смогли быстро организовать сопротивление и обратить их в бегство. Поскольку в это время княжество Чжэн находилось в почти не прекращающемся состоянии войны со всеми северными и восточными соседями, княжество Сун с готовностью предоставило чжэнским беглецам убежище, таким образом поставив себя под удар. Предотвратив захват царства Сун, армии *чжухоу* под предводительством правителя царства Цзинь Дао-гуна 悼公 вторглись на территорию Чжэн и через два месяца уже стояли перед стенами его столицы. Быстрый успех войск коалиции устранил чжэнцев и вынудил их на переговоры.

³ Текст данного договора явно перекликается с главой *Чжоу гуань* 周官 в *Шан шу* 尚書, излагающей заложенные Чэн-ваном основы чжоуской государственной организации. Обязанности управителя правосудия *сыкоу* 司寇 определяются в ней так: «Он ведает запретами, установленными в государстве, допрашивает нечестивцев и злодеев, наказывает насильников и мятежников» (掌邦禁. 詰姦慝. 刑暴亂). *Чжоу гуань* имеется только в т.н. «древнем» тексте *Шан шу*, т.е. не относится к числу глав, признаваемых аутентичными и датированных западночжоуским временем (см. [35]). Представление о чжоуской администрации в *Чжоу гуань* имеет ряд общих черт с ее отображением в трактате *Чжоу ли*, составленном в восточночжоуское или раннеханьское время (о связях см. [21]). Как отмечал С. Кучера, «Чжоу ли» тем не менее отражает ряд установлений, сложившихся уже в эпоху Чуньцю (см. [15]). Возможно, и глава *Чжоу гуань* была создана в восточночжоуское время, интегрировав при этом некоторые формулировки из текстов официальных документов эпохи Чуньцю.

⁴ Сама формулировка пункта о непредоставлении убежища (*у бао... у люй... 毋保<...> 毋留<...>*) включала крайне размытое определение «нечестивца» и «злодея» (*цзянь те* 姦慝), которое позволяло весьма произвольное – как узкое, так и широкое толкование. Помимо более широкого понятия «нечестивца», *цзянь* в более узком смысле обозначало лиц, замешанных в сексуальных преступлениях – развратников и блудников. Слово *те*, «злодей», было этимологически и графически связано с глаголом *ни* 匿 («скрывать»), употреблявшимся по отношению к беглецам вообще (匿逃人), что позволяло широкое толкование этого пункта. Возможно, *те* следует понимать как «изгой».

⁵ Предварительные результаты содержательного и количественного анализа сообщений о бегствах периода Чуньцю были представлены мною в [30].

⁶ Слово *ти* 逖 («дальний», «удалять») было очень редким. Приказ Сян-вана представляет собой единственное в *Цзо чжуань* место, где оно встречается. Возможно, что текст приказа использовал за основу одну из глав *Шан шу*, а именно *До фан* 多方 («Многие страны»). Изложенное в ней обращение Чэн-вана заканчивалось словами: «Вы, правители многих стран, благоговейте перед величием Неба. В противном случае я нашлю на вас небесную кару, удалив вас из ваших земель!» (則惟爾多方探天之威. 我則致天之罰. 離逃爾土). *До фан* имеется в обоих текстах *Шан шу* и, по-видимому, датируется западночжоуским временем (см. [24, p. 453]).

⁷ О представлениях о гостеприимстве и суверенитете, а также об этических представлениях, выраженных в сюжете о Чунэре, см. [30]. О вымышленных деталях сюжета о Чунэре см. также [31].

⁸ О датировках *Чуньцю* и *Цзо чжуань* см. [23].

⁹ О «Бамбуковых анналах» см. [36, р. 185–264]; см. также [16].

¹⁰ О *Го юй* см. [22].

¹¹ С сюжетом о Чунэре была связана легенда о том, как член его свиты Цзе Цзыгуй отрезал часть своего тела, чтобы накормить Чунэра, когда тот голодал. Эта история не включена ни в *Цзо чжуань*, ни в *Го юй*, но упоминается в нескольких других древнекитайских произведениях (см. [8, с. 998, гл. *Дао чжи*; 10, с. 151, 222, гл. *Цю чжан*]). История Цзе Цзыгуя лежит в основе праздника холодной пищи (*лян ши цзе*), отмечаемого в Китае по сей день (см. [26]).

¹² К числу наиболее актуальных работ о *Цзо чжуань* и *Го юй* относятся [33] и [34].

¹³ По данным *Го юй*, Чунэр пустился в бега на семнадцатом году жизни [1, с. 167]. Если вести отсчет от его первого бегства в Почэн в 668 г. до н.э., то годом его рождения можно считать 684 г. до н.э. В таком случае, когда Сянь-гун взшел на цзиньский престол в 676 г. до н.э. и, вероятно, назначил своего наследника, Чунэру исполнилось 8 лет. Сыма Цянь, однако, полагал, что, когда Сянь-гун встал у власти, Чунэру исполнился уже 21 год [7, с. 154]. Версия Сыма Цяня выглядит менее правдоподобной: если Чунэр родился бы в 697 г. до н.э., то в 637 г. до н.э., когда он объехал одно за другим ряд владений и пришел к власти в Цзинь, ему должно было бы исполниться 60 лет. По подсчетам Сыма Цяня, в момент возвращения в Цзинь Чунэру исполнилось не 60, а 62 года, из чего следует, что историк вел отсчет не от фактического восхождения Сянь-гуна на престол после смерти отца, а от его официального провозглашения правителем по истечении трехлетнего траура, т.е. от 678 г. до н.э. Таким образом, родиться Чунэр должен был бы в 695 г. до н.э. Тем не менее ни в *Го юй*, ни в *Цзо чжуань* нет ни малейшего намека на его почтенный возраст, чего можно было бы ожидать в связи с трудностями его кочевой жизни. Напротив, образ Чунэра создает впечатление человека в расцвете сил, что больше согласуется с возрастом 47 лет, соответствующим данным *Го юй*.

¹⁴ По версии *Го юй*, Чунэр сначала бежал из Почэна в другой цзиньский город – Богу, не зная еще, куда ему следует отправиться дальше – в Ци или в Чу. Этот вопрос он собирался решить с помощью гадания. Но его дядя по материнской линии и советник Ху Янь (Цзы Фань) посоветовал не рассчитывать на поддержку у далеких больших владений, а отправиться к дисцам, которые «обитают вблизи владения Цзинь, но не поддерживают с ним отношений», чтобы следить оттуда за событиями в Цзинь и за действиями *чжухоу* [1, с. 141].

¹⁵ В это время Чунэру было скорее всего 29 лет.

¹⁶ Авторы *Го юй* связывали ослабление Ци со смертью Гуань-чжуна – политического советника циского Хуань-гуна в 645 г. до н.э.

¹⁷ По приезде в Ци Чунэру исполнилось 40 лет (см. примеч. 13).

¹⁸ В это время в Цзинь скончался Хуй-гун – младший брат Чунэра, и трон перешел к его сыну Хуай-гуну. Для Чунэра это был удачный момент, чтобы предъявить претензии на престол.

¹⁹ Обстоятельства, при которых состоялось отбытие Чунэра из Ци, носят анекдотический характер. Советники Чунэра опоили его и вывезли из Ци без сознания, таким образом, не словом, а делом убедив его снова вступить в игру [1, с. 165].

²⁰ Он якобы прослышал, что у Чунэра сросшиеся ребра, и стал подсматривать за ним, когда тот мылся [1, 166].

²¹ Об отношениях родства в древнем Китае см. работы М.В. Крюкова [13; 14].

²² Роды Ци и Цзян традиционно состояли в отношениях обязательного брака друг с другом. В частности, первая жена цзиньского Сянь-гуна и мать Шэнь-шэна была циской принцессой. В свою очередь, дочь Сянь-гуна и Ци Цзян была женой циньского Му-гуна.

²³ Владение Сун передавалось по наследству в роду потомков прежней династии Шан.

Источники и литература

1. Го юй. Шанхай, 1978.
2. Го юй (Речи царств). М., 1987.
3. Мэн-цзы // 11, т. 2, с. 2071–2161.
4. Ли цзи // 11, т. 1, с. 979–1014.
5. Лунь юй // 11, т. 2, с. 1955–2066.
6. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 1959.
7. *Сыма Цянь*. Ши цзи (Исторические записки). Т. 5. Пер. Р.В. Вяткина. М., 1987.
8. Чжуанцзы цзи ши. Тайбэй, 1989.
9. Чуньцю Цзо чжуань // Чуньцю Цзо чжуань чжу. Под ред. Ян Боцзюнь. Пекин, 1981.
10. Чу цы чжи цзе. Нанкин, 1988.
11. Шисань цзин цзинь чжу цзинь и (Тринадцатикнижие с современными комментариями и пояснениями). Т. 1, 2. Чанша, 1994.
12. *Васильев К.В.* Истоки китайской цивилизации. М., 1998.
13. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
14. *Крюков М.В.* Система родства китайцев. М., 1972.
15. *Кучера С.* К вопросу о датировке и достоверности «Чжоу ли» // ВДИ, 1961, № 3.
16. *Ульянов М.Ю.* Бамбуковые анналы. Древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь). М., 2005.
17. *Хаятина М.С.* Институты «друзей» и «гостей» в древнем Китае. Эволюция социальных и политических явлений и соответствующей терминологии в периоды Западного Чжоу, Чуньцю и Чжаньго. Канд. дис. М., ИВ РАН, 1999.
18. *Хаятина М.С.* «Друзья» и «гости» в древнем Китае. Западное Чжоу – период Чуньцю (XI–V вв. до н.э.) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. М., 2000, с. 221–242.

19. *Хаятина М.С.* «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Природа и этика «дружбы» в древнем Китае эпохи Западного Чжоу (1056/45/40 – 771 до н.э.) // Древний Восток и античный мир. Труды каф. ист. др. мира МГУ им. М.В. Ломоносова, Ист. ф-т. М., 2000, с. 29–40.
20. *Хаятина М.С.* Странствования княжича Чжунэра: изгнанник как гость и хозяин // Традиционные и современные модели гостеприимства. М., РГГУ, 2004, с. 184–226.
21. *Чжай Куйфэн* 翟奎風. ««Шаншу: Чжоугуань» юй «Чжоу ли» гуаньси као лунь – цзянь тань Си Чжоу дэ гунцин гуаньсюэ юй Кун-цзы жусюэ» 《尚書·周官》與《周禮》關係考論——兼談西周的公卿官學與孔子儒學 (Исследование и дискуссия о соотношении главы «Чжоуские чины» в «Шаншу» и трактата «Чжоуские ритуалы», вместе с дискуссией об идеологии высшего западночжоуского чиновничества в сопоставлении с идеологией конфуцианства) // Тайюань лигун дасюэ сюэбао. 2006. № 2, с. 24–28.
22. *Chang I-jen, Boltz W.G.* «Kuo yü» // 25, p. 263–269.
23. *Cheng A.* Ch'un ch'iu, Kung uang, Ku liang and Tso chuan // 25, p. 67–76.
24. *Creel H.G.* The Origins of Statecraft in China. Vol. 1: The Western Chou Empire. Chicago, 1970.
25. Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide. Berkeley, 1993.
26. *Holzman D.* The Cold Food festival in Early Medieval China // HJAS 46.1 (1986), p. 51–80.
27. *Hsu Cho-yun.* Ancient China in Transition. An Analysis of Social Mobility, 722–222 B.C. Stanford, 1965.
28. *Imber A.* Kuo Yü: An Early Chinese text and its relationship with the Tso Chuan. Diss. Stockholm, 1975.
29. *Khayutina M.* Host-Guest Opposition as a Model of Geo-Political Relations in Pre-Imperial China // Oriens Extremus. No. 43 (2002), p. 77–100.
30. *Khayutina M.* Exile and Asylum in Ancient China According to the Data of the *Chunqiu* Chronicle and the *Zuo zhuan* Narrative // XV Conference of the European Association of Chinese Studies, Heidelberg, August 25–29, 2004.
31. *Khayutina M.* Die Geschichte der Irrfahrt des Prinzen Chonger und ihre Botschaft // Kritik in alten und modernen China. Wiesbaden, 2006, S. 20–47.
32. *Khayutina M.* Royal Hospitality and Geopolitical Constitution of the Western Zhou Polity (1046/5–771 BC) // HJAS (в печати).
33. *Pines Yu.* Foundations of Confucian Thought. Intellectual Life in the Chunqiu Period, 722–453 B.C. Honolulu, 2002.
34. *Schaberg D.C.* A Patterned Past: Form and Thought in Early Chinese Historiography. Cambridge (Mass.), London, 2001.
35. *Shaughnessy E.L.* Shang shu // 25, p. 376–389.
36. *Shaughnessy E.L.* Rewriting Early Chinese Texts. N. Y., 2006.